

**Дружище
ТОБИК**

Владимир Дмитриевич Дудинцев

Бешеный мальчишка

OCR & Spelcheck TaKir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157030

*Дружнице Тобик: Рассказы / Рис. Г. Никольского, В. Юдина, В. Лаповок:
«Детская литература»; Москва; 1987*

Аннотация

Сборник рассказов советских писателей о собаках – верных друзьях человека. Авторы этой книги: М. Пришвин, К. Паустовский, В. Белов, Е. Верейская, Б. Емельянов, В. Дудинцев, И. Эренбург и др.

Владимир Дудинцев

Бешеный мальчишка

В новом районе Москвы был построен прошлым летом восьмизэтажный дом с множеством маленьких и больших квартир. Найти этот дом легко. Он песочного цвета и занимает целый квартал. Окна и балконы его выходят на три улицы, и с трёх же сторон он запирает широкий двор, который сейчас уже превратился в парк с фонтанами и скамейками.

В прошлом году, в июле, когда комиссия принимала готовый дом, зелени здесь ещё не было. Люди ходили по горам битого кирпича.

Комиссия приняла дом с отметкой «четыре с плюсом», написала постановление о немедленном приведении в порядок двора и ушла. И вскоре, в один день – в один прекрасный день! – сюда съехались десятки грузовиков. Прихрамывая и щёлкая протезом, пришёл управдом – инвалид Отечественной войны. Он принёс чемодан, полный ключей в связках. Везде замелькали матрацы, ножки перевёрнутых столов, поплыли, скрываясь в подъездах, тяжёлые шкафы, запрыгали, закричали от радости дети, с балкона на четвёртом этаже залаяла гробовым голосом огромная чёрная овчарка: началось вселение жильцов.

В первые несколько дней никто никого ещё не знал здесь: имеются в виду взрослые. Соседи обменивались ещё первы-

ми внимательными взглядами. Но у ребят, которые в первую же минуту после переезда понеслись во двор, сразу наметились прочные союзы. Все дети знали друг друга уже на второй день, и именно здесь, во дворе, среди ребят родилось то, что впоследствии у взрослых получило название коллектива жильцов.

На пятый или шестой день, после того как все квартиры были заселены, во дворе на асфальтовой площадке произошло событие, пустячок, которому никто не придал значения. А между тем, как часто бывает, из пустячка выросла целая история.

Вот как было дело. Девочка Женя побежала за мячом в тот угол двора, где к дому пристроено крыльцо с крышей, ведущее не вверх, а вниз, в таинственный, всегда запертый подвал. Женя схватила мяч, сейчас же уронила его и закричала:

– Ой, кого я увидела! – и зашептала: – Идите скорей, девочки, кто здесь сидит!

Девочки сбежались и увидели внизу, на самой нижней ступеньке – в подвале – маленького дрожащего головастого щенка. Он был из дворняжек – пушистый, словно сделанный из белой цигейки. На боку у него было чёрное пятно. И два таких же чёрных пятна были, как очки, посажены ему на мордочку – настолько чёрные пятна, что не видно было глаз, а глаза эти были печальны – щенок как будто плакал.

Тонконогая девочка с косичками, оттолкнув маленькую

Женю, бросилась к нему, запрыгала по ступенькам. Щенок очень смешно – сидя – попятился от неё и забился в угол. А когда девочка взяла его на руки, то под ним на цементе оказалась маленькая лужица: так он испугался.

Девочка вынесла его наверх.

Здесь его рассмотрели, и маленькая Женя, становясь на цыпочки, сказала:

– Всегда, когда дети очень маленькие, у них выются волосы.

Но девочкам не удалось поиграть со щенком. Уже летела по двору эскадрилья истребителей – наши мальчишки. Девочки, потемнев лицом, умолкли и, не сводя с противника глаз, отошли в сторону, и мальчишки унесли щенка в другой, в свой, угол двора.

Там на старом, разломанном плетёном стуле щенку дали имя – Тобик. С ним пытались поиграть, но он был что-то очень печален: должно быть, грустил по своей матери.

Потом к нему со стороны подошёл мальчик постарше – очень красивый, больше похожий на девочку. Выгнув дугой чёрную бровь, он пропел «тррамм!» и больно щёлкнул Тобика по носу. Щенку это не понравилось. Он отвернулся и стал глядеть как бы в сторону, гневно выкатив белки глаз. Но смотрел он только на обидчика. И как только тот снова пропел своё «тррамм!» и потянулся к носу Тобика, пёс приподнялся и зарычал. Зарычал и залаял – в сторону, вверх, но это адресовалось злому мальчишке. А мальчишка будто не

слышал – ещё большее щёлкнул Тобика. Щенок залаял громче и заплакал.

И вдруг злой обидчик оставил Тобика и, сунув руки в карманы своих застёгнутых у колен шаровар, притопывая, пошёл в сторону. Почему? Вот почему: он знал, что делает нехорошо. А тут как раз показались из-за угла ребята – его ровесники, от которых ему могло попасть, и он поспешил с улыбкой отойти.

Вскоре все дети ушли обедать, и двор опустел. Тобик ходил один по асфальту, смотрел на горы земли и битого кирпича и печально садился.

Потом из шестого подъезда вышли девочка Женя и её мама и поставили перед Тобиком консервную банку с молоком. Вышли ребята из других подъездов, и еды у Тобика оказалось так много, что он вскоре должен был вежливо отказаться. Живот его раздулся, а хвост как будто стал короче, и все поняли, что собакевичу надо теперь полежать. Сейчас же отряд истребителей полетел по двору и вернулся с фанерным ящиком, полным стружек.

– Здесь у него будет дом, – сказали ребята, устанавливая ящик в мальчишечьем углу двора.

Всё как будто кончилось хорошо в этот день. Но об одном никто ещё не успел подумать: Тобик был живым существом, и, как всё живое, его ожидало какое-то будущее – весёлое или печальное.

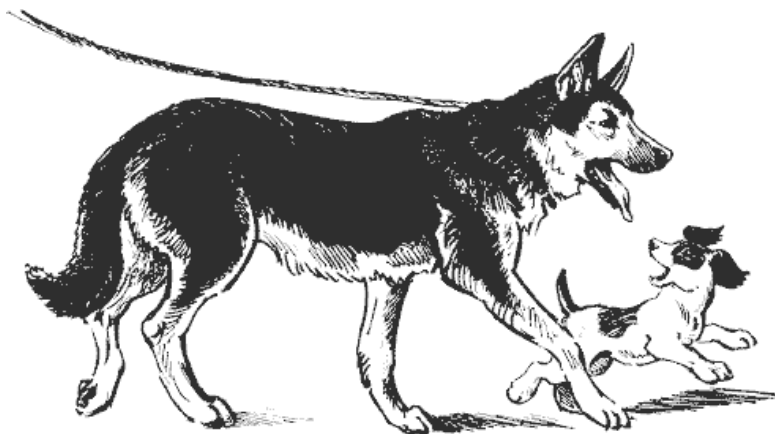
Вы, наверное, помните – было время, когда по Москве по-

сле каких-то неприятных случаев, связанных чуть ли не с бешенством, расклеили плакаты о борьбе с бродячими собаками и кошками. Вот такие, величиной с тетрадный листок, плакаты висели в подъездах нашего дома, и на каждом была нарисована растрёпанная и грязная бродячая собака.

Ребята приютили щенка, и в первый день для них это была только игрушка. Но Тобик очень быстро рос, и через несколько месяцев стал собакой. Вот тут и поняли ребята, что игра с живым существом – дело ответственное.

К зиме это был уже небольшой дворовый пёс, белый с чёрными пятнами, чистенький, подхватистый, бегающий всё время как будто на цыпочках – образец собачьей красоты. Весь наш просторный двор, занесённый февральским снегом, был испещрён его следами. У Тобика была весёлая жизнь, и начиналась она рано утром, когда выводили на прогулку комнатных собак с иностранными именами. Первым появлялся дурашливый Ральф – восьмимесячный, но уже ожиревший щенок-овчарка. Увидев его, Тобик нёсся через весь двор, летел, как птица, и с ходу как бы вращал в снег около приятеля. Потом бросался в сторону, и Ральф, обезумев от этого красноречивого призыва, вырвав поводок из рук своей провожатой – старухи, тяжеломерно трусил за ним. Вскоре Ральф обессиленно ложился и свешивал длинный красный язык до самого снега. Хозяйка уводила его в дом. На смену появлялась белая шелковистая Лиззи, к которой Тобик чувствовал особое расположение. В ответ на его при-

ветствие Лиззи набрасывалась на него, как будто хотела загрызть, и, доведя его, неопытного и юного, до полной растерянности, начинала мелькать и увёртываться перед ним, как страусовое перо. Налаявшись до сердцебиения, Лиззи ложилась на снег. Тут же её подбирали и уносили в подъезд.

После Лиззи минут через двадцать выходил на прогулку в сопровождении домработницы Принц – огромный чёрный овчар с хриплым голосом. Неутомимый Тобик то танцевал вокруг него, то вдруг выделял во дворе грандиозный вираж, призывая Принца побегать, но воспитанный пёс, придерживая хвост у ноги, как генерал шашку, шёл, как его научили в собачьей школе – «рядом» и только косился время от времени на домработницу.

Тогда Тобик останавливался посредине двора.

«Эх, ты!» – как бы говорил он Принцу.

А через минуту мы могли найти его уже на ледяной горке. От толпы ребят отделялся, скользил вниз по льду фанерный лист, заваленный пассажирами, – и там, конечно, был виден собачий хвост, как всегда, свёрнутый в кольцо.

Жильцы всех трёхсот шестидесяти квартир знали Тобика: он весь день кого-нибудь сопровождал до подъезда, приложив уши и помахивая хвостом. Лаял он редко. Было замечено, что Тобик лает только на чужих.

И не было бы у него на нашем дворе врагов, если бы не вспомнил о нём красивый мальчик с выгнутыми чёрными бровями – тот самый обидчик, с которым мы уже знакомы. Будем звать его так, как звал его папа – Аликом.

А раз уж папу упомянули, то надо сказать несколько слов и об этом очень занятом человеке.

Роста он был такого же, как и его одиннадцатилетний сын (только, конечно, отец был шире и значительно тяжелее). К сословию интеллигентов, умеющих держать в руке молоток или колоть дрова, он не принадлежал. Например, в своей «Волге» – машине, которой он сам управлял, он не знал ничего, кроме руля, рычага скорости и тормоза. Он уже успел расплавить коренные подшипники коленчатого вала и заморозить радиатор, а мелкие поломки – их мы не смогли бы даже сосчитать. Их устранял шофёр огромного грузовика – жилец нашего дома дядя Саша.

Ходил отец Алика всегда чётким шагом, голову держал высоко, как будто смотрел на второй этаж. И все, мимо кого он проходил в нашем дворе, задумывались: хороший он человек или плохой?..

Так вот, у Тобика был враг. Однажды в мае нынешнего года шофёр дядя Саша открыл своё окно на втором этаже и, выглянув во двор, увидел следующее. Вдали перед шеренгой ребят прохаживался молодой человек в узких брюках и клетчатой рубашке и заставлял тяжеловесного Принца перемахивать через заборчик. Ближе, прямо перед окном, стоял огромный грузовик дяди Саши (шофёр иногда оставлял свою машину на ночь в нашем дворе). Около грузовика прыгал уже известный нам красивый мальчик и, светясь злым любопытством, дразнил Тобика. Растопырив пальцы и топая, он приближался к собаке, приближался и вдруг отскакивал. Наш независимый общественный пёс стоял под грузовиком у массивного колеса, слегка оскалась и загадочно шевеля хвостом. Было видно, что ему хочется кинуться вперёд, особенно в те моменты, когда Алики отскакивал. Но Тобик всё-таки стоял – ждал, что будет дальше.

– Поди-ка на минутку. – Дядя Саша тёмной большой рукой поманил Алика из окна. – Поди, поди, что скажу.

Алик подошёл и остановился под окном, подняв голову.

– Вот ты, милочка; дразнишь Тобика. Что он тебе сделал? Тебе это нравится – дразнить. А он ведь у нас никаких прав не имеет. Он ничей. Оцарапает он тебя – что тогда? Сейчас

же к папке побежишь? Скажешь, нет?

Алик не ответил. Он подошёл ближе и смотрел вверх на дядю Сашу чистыми глазами, выгнув красивую бровь.

– Отец пойдёт к управдому, – продолжал шофёр. – И Тобика – в мешок и утопят за твоё баловство-то. Хорошо это будет? Не жалко тебе?

Алик всё смотрел вверх, прямо в глаза дяде Саше, пока тот не кончил своей речи. И после этого он всё так же стоял и смотрел ещё с минуту вверх – так пристально, что шофёру вдруг стало не по себе. У мальчишки был отцовский взгляд. А потом Алик повернулся на одной ноге и, улыбаясь, пошёл к Тобику, похлопывая рукой по колену. Тобик сразу же простил ему всё, прижал уши и вышел из-под грузовика.

Тут из-за угла неслышно выкатила сверкающая голубая «Волга» и остановилась у подъезда. Вышел папа Алика и прошёл к окну дяди Саши:

– Александр Иванович, не могли бы вы сейчас посмотреть?.. У меня температура воды испортилась.

– Температура воды? – переспросил дядя Саша и скрылся в окне. – Значит, температура воды подкачала, – сказал он, появляясь через минуту из подъезда. – Ну-ка, посмотрим.

Он открыл капот машины.

– Воду давно доливали в радиатор?

– Давно. А что?

– Водички не долили вовремя, – сказал дядя Саша, как бы извиняясь. – По-моему, осенью я уже менял вам датчик. Я и

говорил вам тогда про воду... Чтобы вовремя доливать...

Отец Алика ничего не сказал. Он как-то странно затих и уставился на шофёра.

– Машину тоже уважать полагается, товарищ водитель. Это всё равно что людей уважать, что их работу...

Говоря это, дядя Саша гладил «Волгу», а хозяин машины смотрел на него ясным взором. Потом повернулся и пошёл к своему подъезду. Там на крыльце он крикнул:

– Так я оставляю вам машину. Алик! Брось сейчас же собаку! Не трогай её руками!

И скрылся за дверью.

В эту самую минуту по тротуару пробежал Принц, свернул к грузовику и стал обнюхивать шину. Алька погладил Тобика, потом вдруг быстро поднял его и бросил на чёрного зверя. Принц присел от неожиданности и как бы задохнулся. В одно и то же время послышались его медвежий рёв и визг Тобика, и наш маленький пёс с поджатым хвостом пронёсся на другой конец двора к своим друзьям, к ребятам. И все увидели на его боку кровь.

– Что ты делаешь, зверёныш ты эдакий! – с крыльца закричала на Алика лифтёрша.

– Ну и шалопай, – сказал шофёр. – Не видел ещё таких.

Но Алик только улыбнулся. Он не боялся взрослых. И он улыбался, пока не увидел, что от толпы ребят, где скрылся Тобик, отделился мститель – невысокий, коренастый и нахмуренный. Мальчик этот очень быстро пошёл на Алика, по-

том побежал, и наш красавец, передвигая ровные, как макароны, ноги, направился к своему подъезду. Дверь хлопнула: он, как всегда, вовремя убрался.

А теперь можно перейти к самому главному событию, решившему судьбу Тобика. Произошло это в июле. К этому времени ещё раз два папа Алика сломал голубую «Волгу», а шофёр её починил. Дядя Саша, кроме того, успел съездить на своём гигантском грузовике в далёкий рейс. Он отвёз ответственный груз в Таллин, оттуда с новым грузом отправился в Киев, потом проехал весь Донбасс и с юга вернулся в Москву. В июле его должны были послать в новый рейс – ещё дальше, и он, между прочим, подумал по пути навестить под Харьковом своих старичков родителей.

Двор наш к этому времени стал зелёным, в центре его играл радугой под солнцем и влажно пылил большой фонтан, и там в жару постоянно прыгали, словно бронзовые от воды, дети. И Тобик, конечно, купался вместе с ними, бегал под фонтаном, мокрый, словно ошипанный. В июле ему исполнился год. Всего один год жизни!

В эти жаркие дни на дворе появился Алик. Он целый месяц был на даче, а теперь нелёгкая принесла его, и сразу жестряслась беда.

Как-то утром дядя Саша слышал через открытое окно короткое тьяканье Тобика, которое повторялось через одинаковые тихие паузы. Потом послышался голос лифтёрши: «Вот вражонок! Чего ты к нему привязался?»

Дядя Саша нахмурился и отдернул занавеску. Никого из ребят ещё не было во дворе. Он почти весь был в тихой свежей тени, и вдали дворник посылал в воздух из шланга потрескивающую, огненную от солнца струю.

А внизу под окном дяди Саши стоял только что приехавший Алик в костюмчике из сурового полотна. Что же он делал здесь в одиночестве? Где же Тобик?

Пёс сидел под старым разломанным плетёным стулом, который кто-то перетащил сюда, под окно. Через дыру, прорванную в сиденье, были видны чёрный собачий нос и сердитые мелкие зубы. Алик наклонился над стулом.

– Тррамм! – сказал он и щёлкнул Тобика пальцем по носу.

Тобик тьякнул и запоздало несколько раз укусил воздух.

– Эй, Алька! – крикнул с балкона кто-то из ребят. – Сейчас вот я спущусь... Отойди от Тобика!

– Тррамм! – пропел Алик и опять щёлкнул пальцем по чёрному носу.

Тобик опять тьякнул. Он не убежал – терпел это оскорбление. Но дядя Саша уже видел, к чему клонится дело: Тобик всё дальше просовывал нос в дырку и всё быстрее вслед за ударом по носу щёлкали его зубы.

– Мальчик, перестань безобразничать! – прозвенел где-то сверху молодой мужской голос.

Алик поднял голову и внимательно посмотрел поочерёдно на всех, кто делал ему замечание. Потом он занёс руку над

дыркой в стуле. А дальше произошла ужасная вещь: плетённый стул подскочил, и вместе с ним, вскрикнув, подскочил Алик. Потом всё это покатилося на асфальт. Алик сейчас же вскочил и побежал к своему подъезду. Остановился, посмотрел на палец и побежал ещё быстрее.

Через минуту во дворе уже собралась шумная толпа ребят. Тобика увели в мальчишечий угол. Попробовали его усадить в ящик со стружками, но он увернулся и начал весело прыгать на грудь всем ребятам.

Тут как раз и вышел на крыльцо папа Алика.

– Какая собака? – спросил он, быстро оглядываясь и в то же время ни на кого не глядя.

– Он его дразнил, – сурово сказала в толпе ребят девочка Женя.

– Чья это собака? Где она?

Тобик прыгал здесь же, у Алькиного отца под ногами, и тот не видел ничего!

– Я, между прочим, могу сказать, – вежливо начал было дядя Саша. – Ваш сын...

Но тут Тобик был вдруг замечен. Один пристальный взгляд – и маленький полный человечек решительным шагом направился со двора, стуча ботинками тридцать шестого размера.

– Пошёл в домоуправление, – сказал кто-то из взрослых.

И сразу же все зашумели.

– Ничего у него не выйдет, – сказал кто-то.

– Собака-то зарегистрирована? – спросил мужской голос.

– А нам наплевать! Я первая в свидетели пойду, – громко заявила лифтёрша.

И все ребята, а с ними и несколько человек взрослых двинулись туда же, куда ушёл отец Алика, – в домоуправление.

На балконах и в окнах появились зрители. Теперь – через год – все уже были знакомы. Соседи поздоровались, сказали несколько слов, и сразу же стала ясной точка зрения всего нашего дома на историю с Тобиком. Ещё отчётливее выразилась она в весёлом молчании, с которым был встречен через несколько минут Алькин отец. Дом смотрел на него всеми тремя стенами, во все свои окна. А он тем же решительным шагом прошёл через двор и скрылся в подъезде.

Вернулись и все свидетели – взрослые и мальчишки, все в очень хорошем настроении. Управдом – простой солдат, инвалид войны – спокойно выслушал речь нервного посетителя об уничтожении бродячих собак и о бешенстве, выслушал и сказал:

– Какая же Тобик бродячая собака? Его показывали ветеринару. А когда Тобик заболел чумкой, народный артист из четвёртого подъезда лично делал ему уколы.

Тогда отец Алика сказал, что его мальчик получил укус, управдом выслушал свидетелей и развёл руками: мальчик же сам виноват! Тобик – собака смирная, никогда ещё он не трогал людей.

– Я вижу, вы настаиваете. Что ж, мешков у меня много.

Но кто будет исполнять приговор? Поднимется у вас рука? У нас не поднимется.

После этих слов папа Алика и ушёл.

Всё это было с подробностями рассказано внизу, под окном дяди Саши. И публика начала было расходиться, как вдруг дверь подъезда громко хлопнула – это отец Алика, ещё более чёткий и решительный, прошёл к своей «Волге». В тишине щёлкнул и зашипел стартёр. Машина резко дёрнулась, и мотор тут же заглох.

– Злится, – сказал кто-то.

Опять зашипел стартёр, мотор взревел, и «Волга» снялась с места и укатила.

На следующий день стало известно, что Алькин отец ездил куда-то жаловаться – уже не на Тобика, а на управдома, и одноногий солдат получил выговор. И было предписано немедленно устранить отмеченные нарушения.

Целый день после этого наши притихшие ребята прятали Тобика по закоулкам и под лестницами. Да, теперь это уже была не игрушка! Пробовали запереть его в квартире, но Тобик поднял вой и стал царапать дверь: пёс привык жить во дворе, он не мог ни минуты обходиться без своих друзей. Пришлось его выпустить.

Он переночевал в своём ящике со стружками, а рано утром около него уже дежурили ребята. Всё утро дворник подметал и поливал асфальт, несколько раз проходил через двор управдом, и ни тот, ни другой даже не взглянули на То-

бика. Это ещё больше встревожило ребят. Они знали: когда Тобика станут забирать, то сделают это незаметно, потому что взрослые поступают именно так, если дело щекотливое и затрагивает чувства детей.

Так и получилось.

Следующей ночью Тобик исчез – навсегда. Ребята пришли утром в мальчишечий угол двора и не нашли на месте ни Тобика, ни его ящика со стружками. Весь угол был чисто выметен и полит водой.

Так до сих пор никто у нас во дворе и не знает, куда делся Тобик.

Знает об этом только один человек – шофёр дядя Саша. В ту ночь, когда Тобик исчез, шофёр должен был уезжать в свой далёкий рейс. Поздно ночью он подогнал к подъезду свою нагретую рычащую махину – грузовик, в кузове которого стояла привязанная тросами станина какого-то невиданного станка.

На рассвете дядя Саша простился с женой, накинул брезентовый плащ и, взяв саквояж, вышел из подъезда. Он уже открыл дверцу грузовика, как вдруг услышал позади себя собачью костяную рысцу – это Тобик проснулся и подбежал прощаться. Дядя Саша долго смотрел на пса и вдруг решительно прошёл в угол, к ящику со стружками. Он установил этот ящик в кабине грузовика, на полу, рядом со своим водительским местом. Потом опустил в стружки Тобика и прижал его – лежи!

И Тобик лёг на бок, часто облизывая чёрный нос и вздрагивая прикрытыми веками (это говорит у собак о сдержанности и послушании).

Дядя Саша увёз Тобика в Харьковскую область к своим родителям. Пёс охраняет сейчас колхозный яблоневый сад. Скоро шофёр вернётся и расскажет об этом ребятам – они до сих пор не могут забыть о своём весёлом товарище.

И Алик каждый день вспоминает об этой собаке, которая так ловко укусила его за палец. Ещё бы не вспомнить! По требованию отца мальчишке вот уже месяц каждый день делают уколы в живот против бешенства. После каждого укола он не может разогнуться, и таким вот согнутым его привозят каждый раз из поликлиники. Держась за живот, он еле-еле бредёт к подъезду. Все стоят вокруг и смотрят. А наши мальчишки топают и кричат ему из своего угла:

– Алька бешеный! Алька бешеный!